
Легитимность судебной власти

Легитимность власти – это свойство, характеризующее степень согласованности между властвующим и подвластными субъектами. Она рассматривается наукой как одно из необходимых условий, обеспечивающих стабильность и эффективность власти. Признавая судебную власть как разновидность власти, следует признать наличие и у нее этого свойства. Вопрос о легитимности судебной власти в науке и практике является достаточно новым. До сих пор однозначно не установлено, как это свойство проявляет себя в характеристике сущности судебной власти. Взаимоотношения последней с субъектами судопроизводства традиционно оцениваются с точки зрения законности. Если судебная власть осуществляется в соответствии с законом, считается, что для несогласия с ней нет оснований. В частности, приговор, иное судебное решение не подлежат отмене, если они вынесены по закону и при их проверке не найдены предусмотренные законом нарушения. Однако

предоставление судебной власти статуса независимой и самостоятельной ветви власти государственной и возложение на нее функции судебного контроля актуализируют проблему теоретического осмысления сущности ее легитимности.

Впервые термин «легитимность» был использован М. Вебером для характеристики субъективной значимости правовых норм в социальных отношениях людей¹. Особую роль при определении легитимности он отводил мотивации людей, для которых правовые нормы имеют значение в реальных отношениях. Мотивация может быть различной: это привычка, вера, уверенность в необходимости соблюдать законы, польза и т. п. В любом случае социально признанный порядок повышает вероятность ори-

---

¹ Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Избранные произведения : пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайдено ; коммент. А. Ф. Филиппова. – М. : Прогресс, 1990. – С. 637.

ентации индивидов на правовые нормы, поскольку ситуативно они воспринимаются как справедливые.

Развивая положения М. Вебера, М. Доган предлагает разграничивать термины «легитимность» и «легальность». Первый подчеркивает фактическую значимость для людей принципа законности, в отличие от формального соответствия порядка социальных отношений законам страны. Второй не всегда характеризуется легитимностью. Мотивом соблюдения правовых норм может быть опасение негативных санкций. В случае ослабления внешнего контроля нормативное взаимодействие людей переходит в девиантное поведение¹. Следовательно, легитимность судебной власти (в отличие от законности) раскрывает несколько иную сторону взаимоотношений суда с другими субъектами как судопроизводства, так и общества в целом. Легитимность демонстрирует степень доверия общества к судебной власти, его согласие на эту власть, готовность к выполнению ее приказов (судебных решений).

Содержание свойства легитимности значительно шире, чем законности, поскольку включает не только соответствие судебной власти требованиям закона, но и неформальное, процессуально не определенное отношение общества к судебной власти и ее решениям. Например, практикующие судьи констатируют значительное увеличение обращений граждан

в суд, объясняя это проявлением доверия населения судебной власти и признаком укрепления ее роли. Наряду с этим в СМИ часто освещаются именно негативные моменты в деятельности суда, высказываются негативные оценки в отношении судебных решений. В итоге же у населения наряду с отмеченным ростом доверия к суду формируется устойчивое представление о недостатках в работе судов, непрофессионализме и необъективности судей, что порождает общую негативную оценку судебной власти. Нелегитимность судебной власти проявляется и при игнорировании решений суда, нежелании выполнять предписания этой ветви власти. В данном аспекте актуальным остается вопрос информационной доступности суда, внедрения комплексных мер судебной политики по формированию в общем сознании членов общества положительного имиджа суда. Считаем, что такая работа будет способствовать формированию легитимности судебной власти.

Изложенное свидетельствует о том, что легитимность этой ветви власти включает не только ее рационально-правовую оценку субъектами процесса и обществом в целом, но и эмоциональное отношение к ней. Легитимность судебной власти включает элемент определенной иррациональности, когда согласие или несогласие с властью возникает интуитивно и на рациональном уровне не всегда может быть объяснено и обосновано. Но такое чувственное (эмоциональное) отношение к власти имеет довольно существенное значение и способно снизить ее авторитет, подорвать силу, вызвать ее дискредитацию.

¹ Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия / М. Доган // Социол. исслед. – 1994. – № 6. – С. 30.

Основываясь на указанном, можем сформулировать такое определение понятия суда: это значимый для заинтересованных сторон государственный публично-правовой институт, который при разрешении спора принимает общеобязательное решение как беспристрастный посредник, обеспечивающий выполнение взаимных для граждан и государства обязательств на началах норм права. Такая дефиниция, во-первых, учитывает интегративную функцию права, предопределяет выбор в пользу суда доверием к легальному порядку со стороны индивидов и социальных групп; во-вторых, от интегративных последствий права зависит результативность регулятивной и охранительной правовой деятельности: право упорядочивает практику отношений, получивших общественное признание. Чем выше легитимность деятельности суда, тем больше будет количество обращений к нему со стороны населения, и наоборот.

Истоки легитимности судебной власти связаны с общим уровнем развития права, качеством правосознания конкретного народа, сбалансированностью судебно-правовой политики, а также с порядком формирования судов и самостоятельностью, независимостью и беспристрастностью судей, законностью их деятельности. Поэтому исследовать специфику и направленность трансформации легитимности судебной власти можно путем исследования различных видов судов.

Первый, самый древний, архаичный вид суда – *натуроцентристский*. Смысл его заключается в том, что в условиях первичных форм общест-

венной жизни и только зарождавшейся социальности он осуществлялся от имени господствующих природных сил, а также в рамках наиболее древней половой и возрастной дифференциации как первой формы организации социальной жизни. Право на суд здесь принадлежит сильнейшему физически, старшему по возрасту, наделенному ярко выраженными признаками, необходимыми для защиты рода от внешней опасности, для его продолжения и т. д. Одновременно указанные представители рода почитались, их уважали. И хотя этот вид суда существовал довольно короткий период, на протяжении всей истории его рудименты сохранялись и иногда (особенно в кризисные времена, войны, пандемии и т. п.) оказывались крайним средством разрешения социальных, политических и межличностных противоречий. Основной акцент делался не на справедливость или истину, а на силу. Такое правосудие находится на грани природной и социальной жизни.

Наиболее распространенным во времени и пространстве считается второй вид суда – *теоцентристский*. Даже и сегодня в странах, где преобладает ислам, а также в туземных племенах Центральной Африки, Австралии, островов Полинезии именно теоцентристский вид суда является основным. Он объединяет различные язычные верования, древние представления о сути мироздания, человека и общества. Однако наиболее четкое проявление этот вид суда получил в монотеистических религиозных системах. Его квинтэссенцией явля-

ется сущность обоснования права на суд в христианстве. Здесь произошла дифференциация Земного Суда и Суда Божия, стало существенной предпосылкой формирование правового сознания Нового и Новейшего времени, которые акцентировали интересы, блага общества, а впоследствии и личности. Этот вид суда впервые вводит в человеческую историю понятия праведности, справедливости, социальной истины и норм политического устройства, объединяет право, мораль и религиозную доктрину. Право на суд возникает в условиях совершения греха и является абсолютным: земные судьи лишь исполняют волю Бога, которая по своей природе не может быть оспорена грешным человеком. Поскольку религия является той сферой, в которой народ выражает свое определение того, что он считает истинным, а представление о Боге составляет его общую основу, то суд и судебное решение являются справедливыми, истинными априори. Следовательно, такой суд характеризуется высокой степенью легитимности.

Третий вид суда – социоцентристский. Этот тип обоснования права на суд порожден эпохой Реформации и формированием капиталистических отношений. Институционально он стал оформляться после первых буржуазных революций на рубеже XVIII–XIX веков. Концептуальным ядром данного вида суда является теория естественных прав человека, особенно теория общественного договора. На первое место здесь выходят интересы общества и государства, сословий и нации, то есть интересы «общего»:

именно им и принадлежит основное право на суд. Подсудным является все то, что не вписывается в контуры государственной жизни, социума как надличностного самодостаточного образования. Ярким примером этого могут быть королевские суды во Франции эпохи абсолютной монархии или суды парламентской Британии довоенного времени. Главной ценностью в этом институционально-правовом варианте является общее благо. Личность же находится на втором месте, закон понимается как продукт рациональной позитивной деятельности. Особенно важно то, что именно рациональность и положительная систематизированность выступают выражением высшей справедливости. Мораль резко отделяется от права. До определенного времени этот вид правосудия играл положительную роль, выражавшуюся в интенсификации интеграционных процессов, образовании новой правовой культуры, исключительно светской, независимой от обычаев. Такая ситуация способствовала формированию позитивного отношения к праву и суду как к некоей третьей силе в обществе. Именно этот тип судебной практики стал важнейшей предпосылкой формирования прав человека как базовой ценности будущего культурного развития.

Следующей институциональной формой суда стала *антропоцентристская* модель. Ее основой и главной ценностью выступают права личности, понимаемые не абстрактно (как в Новое время), а содержательно, с учетом принятых после Второй мировой войны Всеобщей декларации

прав человека, различных конвенций и иных международных документов. Этот вид правосудия, по сути, должен был ликвидировать антагонизм между человеком и природой, человеком и обществом, человеком и буквой закона, между различными правовыми культурами, преодолеть внутренний вакуум после потери религиозного чувства как факта массовой культуры. Такое правосудие меняет отношение и к праву как инструменту насилия и принуждения. Оно предпочитает прежде всего духовную свободу человека. Если права личности становятся основанием для правосудия, то право преодолевает свою односторонность запрета или дозволенности. Оно становится полноценным регулятором культурного опыта. Именно всесторонне развитый свободный человек сегодня является высшей ценностью и целью социокультурной эволюции. Наибольшая сложность в отправлении правосудия в данной модели суда состоит в том, что мир становится более многогранным, а сама определенность личностного бытия и соответствующих прав оказалась под угрозой элиминации (устранения, отстранения) со стороны ценностей национальных культур, этнических процессов и политических рычагов. Права личности становятся средством спекуляции как для тех, кто борется за справедливость, свободу и правовое государство, так и тех, кто отстаивает традиционные нормы социального взаимодействия.

Итак, мы определили четыре основных вида суда – *натуроцентрист-*

ский, теоцентристский, социоцентристский и антропоцентристский. Границы между ними весьма условны. Каждый из этих судов практически никогда не существовал в, так сказать, чистом виде, и каждый из них имеет определенные вариации, модели и способы легитимации. Вместе с тем следует выделить два критерия, которыми определяются политико-правовая и социокультурная легитимность всех вариантов функционирования суда:

1) воспроизведение и устойчивость институционально-правовой формы суда на более или менее длительном промежутке времени существования национального государственно-правового пространства, наличие определенного копирования (структурно-организационного, юридического, ресурсного и пр.);

2) признание эффективности правосудия, положительная оценка институциональной конфигурации судебной власти, уровня ее приближенности к интересам общества, доступности и социально-правовой результативности, что связано с состоянием правового порядка и содержанием правосознания населения.

Практически оценивая существующие проблемы, мы понимаем, что легитимность судебной власти всегда будет иметь незавершенный характер, поскольку реализуется в условиях стратифицированного социума, в котором не может быть абсолютного совпадения интересов индивидов и их групп, оценок ими правовой и политической жизни. Кроме того, процессы легитимации сочетаются с особен-

ностями включенной в правовую реальность конкретного социального мира и присущей ему специфики юридической институционализации действий, отношений, смыслов.

Формирование легитимности, ее возрастание во многом зависят от самой судебной власти. Этому способствуют не только законность и справедливость действий и решений суда, но и умение судей, а также председательствующего в судебном заседании правильно построить отношения с участниками судебного производства и другими лицами, присутствующими в зале, в том числе журналистами. Если же такого умения не хватает или игнорируется эта специфика судебных властеотношений, это может привести к субъективному конфликту властвующих с подвластными в судопроизводстве.

Важное значение приобретает исследование факторов, определяющих содержательную сторону легитимности судебной власти. Содержательная характеристика последнего – это уровень доверия к судебной власти в обществе в целом и судебном процессе в частности. Доверие со стороны государства отражается на четком определении предметной сферы судебной власти и в признании исключительности ее полномочий в этой области. Доверие же к судебной власти со стороны субъектов уголовного процесса предусматривает: а) признание ее компетентности и самостоятельности; б) согласие на использование судебной властью всех необходимых полномочий для разрешения конфликта; в) согласие подчиняться веле-

ниям судебной власти; г) добровольное, осознанное исполнение его актов.

К факторам, влияющим на содержательную сторону легитимности судебной власти, по нашему мнению, следует отнести: а) независимость и беспристрастность суда при разрешении конфликта; б) объективность и всесторонность процесса познания, а также правильность его результата; в) справедливость приговора в материально-правовом аспекте как соответствие деяния и наказания за него; г) справедливость судебного разбирательства с процессуальной точки зрения как предоставление сторонам судебного процесса равных возможностей для защиты в суде своих интересов; д) законность как соответствие действий и решений судебных властей всем правовым нормам, регулирующим рассматриваемый конфликт и порядок его разрешения.

В случае несогласованности между действиями и решениями суда и ожиданиями населения относительно функционирования судебной власти создаются предпосылки для различного рода делегитимационных процессов, которые вызывают отчуждение людей от институтов судебной власти, непонимание ее значимости и разочарование в полученных результатах. Именно такая ситуация и приводит во многих государствах переходного типа к так называемой «теневой юстиции», то есть нелегального, но достаточно эффективного способа разрешения социальных конфликтов. Однако ее следует все же отделять от «юстиции неформальной», институты

которой (народное правосудие, народный трибунал и т. д.) возникли в некоторых национально-правовых системах (например, в США) вследствие потери легитимности судебной властью. Они стали закономерным результатом развития гражданского общества, повышения уровня правовой культуры граждан, пытавшихся через созданные ими структуры (корпорации, ассоциации и др.) навести порядок на определенной территории и в масштабах всей страны. Сначала эти структуры возникли как инновационный институциональный элемент. В настоящее время в определенных государствах их уже можно рассматривать как одну из традиционных форм разрешения различных (в том числе правовых) конфликтов¹.

В современных украинских реалиях уже многое сделано для расширения предметной сферы судебной власти и укрепления ее самостоятельности. Что же касается доверия к ней граждан, то здесь существуют некоторые проблемы, и изменение данной ситуации, по нашему убеждению, в равной мере зависит как от правосознания населения, так и от понимания и осознания непосредственно судебной властью роли и содержания собственной легитимности. Последняя определенным образом связана с представлением и признанием самими судьями многостороннего характера процессуальных отношений, в которых они выступают носителя-

ми судебной власти. Как отмечает М. Краснов, люди хотят видеть в судьях представителей действительно правового, а не юридино-догматического сознания, то есть обладателями тех демократических принципов, среди которых важнейшим является понимание достоинства индивида как высшей ценности. Доверие к суду со стороны рядовых граждан, широких масс населения служит социальным ресурсом для судебных органов в утверждении их самостоятельности и реальной независимости². Иными словами, непосредственно качество реализации независимости в повседневной практике судопроизводства является показателем его рейтинга в общественном сознании и прогнозирует ожидания людей, обращенные к судебной власти.

Повышение уровня доверия к суду должно стать одним из показателей эффективности внедряемых мероприятий реформирования судебной системы, которые ведутся сегодня в Украине. Происходит постепенная трансформация характера правосудия – от репрессивного к восстановительному. Эти две его модели ориентированы на различные цели: первая направлена на наказание правонарушителя и тем самым на защиту общества от субъектов противоправного поведения; вторая – на восстановление как правопорядка, существовавшего до правонарушения, так и правопослушности правонарушителя, а также прав потерпевшего. Указан-

¹ Фридмэн Л. Введение в американское право / Л. Фридмэн ; под ред. М. Калантарова ; пер. Г. Седун. – М. : Прогресс-Универс, 1993. – С. 22–24.

² Краснов М. У судебной власти есть только один защитник – общество / М. Краснов // Рос. юстиция. – 2003. – № 6. – С. 2–6.

ные модели формируют разные типы правосознания и правовых установок. Репрессивное правосудие ориентирует население на жесткое отношение к правонарушению и на ожидание карательного правосудия, восстановительное предусматривает не только наказание преступника, но и создание оптимальных, гуманистических условий для его реабилитации. Признание виновности правонарушителя не является основанием для унижения его достоинства.

Приведенные модели правосудия различаются критерием доверия людей к суду. В репрессивном процессе доминируют страх и недоверие, что обуславливает правовое поведение внешней необходимостью: индивид вынужден подчиняться закону под страхом наказания. В восстановительном процессе преобладают уважение и доверие, что объясняет внутреннюю мотивацию правового поведения. Однако доверие к суду при этой модели правосудия в значительной мере объясняется признанием со стороны населения его реальной независимости,

то есть свободы судей от влияния представителей других ветвей власти или любого иного субъекта при принятии судебных решений.

Достижению высокого уровня доверия к суду препятствует сложившаяся в Украине традиция иерархии властных институтов. Так, полнота судебной власти распространяется преимущественно на рядовых граждан и в ограниченной части – на должностных лиц исполнительной власти. Сами же органы исполнительной и законодательной ветвей власти практически исключены из юрисдикции судов. Такая их иерархичность сохраняет инерционность и сегодня, чему способствуют определенные противоречия законодательства, открывающего возможности для противоправных, но оставленных без наказания деяний граждан и произвола чиновников.

*Опубликовано: Проблемы законности :
акад. сб. науч. тр. / отв. ред. В. Я. Тацій. –
Харьков : Нац. ун-т «ЮАУ им. Ярослава Мудрого», 2012. – Вып. 118. – 315 с.*